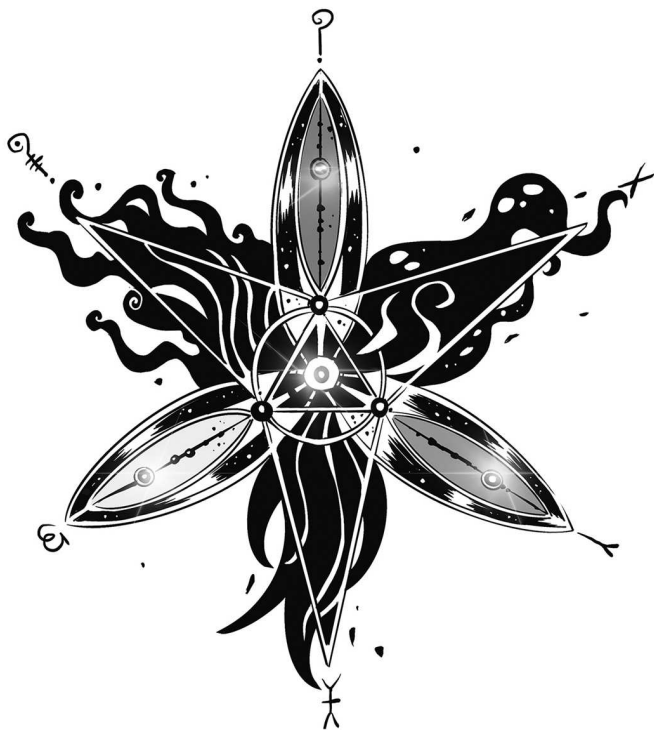

Хельга Воджик

АББАРР

ПЕСОК И ПЛАМЯ

N SUGAR BOOKS

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТХАРУ

В бескрайних песках золотоглазой богини Мэй обитает одно необычное и крайне упорное создание — моолонг.

Крохотный моолонг начинает свой путь в глубине мира, у вод Спящего Дракона. На его теле нет ни волоска, ни чешуйки, всё оно покрыто желеобразной слизью. Шесть небольших толстых лап, круглая безглазая голова на короткой шее, широкий хвост...

Выбравшись из холодного потока, моолонг держит путь к опалённой жаром поверхности. Достигни он цели сразу — его ждёт неминуемая гибель: или выжжет Орт, или проглотят хищники.

Но, вместо того чтобы вернуться в безопасную тьму, это странное создание упорно карабкается к свету. Витиеватыми тоннелями, сквозь слои времени и истории. Его крохотное тельце крепнет, обрастая песчинками, ракушками, остатками жуков, плоскими косточками глубинных землероек, забытыми перьями тук, чешуйками пустынных змеев... Чем больше мусора, тем надёжнее панцирь. Растёт моолонг, и растёт его броня. И однажды наступит день, когда ему не страшны ни хищники, ни огненные щупальца светила, ведь он перерос первых и надёжно укрылся от вторых.

Бывает, моолонги достигают таких размеров,

что походят на маленькие острова, и если присмотреться к их покрову, то можно увидеть места, где они побывали, и врагов, которых пережили. Моолонгов, прошедших от края до края пустыню Мэй, называют тарука (tha'rukha) – караванщик.

Так и любой тхару – бист, аллати или элвинг – оставляет следы на песке, а песок приклеивается к нему. И всегда есть «моолонг», склеивающий судьбы многих. Он держит путь, не ведая, что жизнь его – это нить, нанизывающая души других и сводящая их в единый узор.

На Мэйтару говорят: «Чтобы лучше понять произошедшее, найди своего моолонга и пройди его путём».

ПРОЛОГ

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Тусклый свет усталых ламп окрашивал сердце омэйру¹ грязно-золотым. На ладони биста прозрачный камень выглядел особенно крохотным: каплевидный талисман напоминал застывшую слезу. Линии жизни причудливо выгибались под ним, вздувались, превращались в шрамы. Песок, ставший стеклом; камень, обернувшийся оберегом. Крупинка одной из легенд, которыми так славилась земля Мэй.

Шёлковый шнурок с пропущенной внутри жидкой казался ещё тёплым. Сколько лет он не снимал его с шеи?

Бист обмотал шнур вокруг ладони. Чёрные кольца скрыли предназначертанные линии судьбы, проложив новые. Жила натянулась, шёлковая обмотка впилась в кожу, ещё немного, и даже

¹ Сердце омэйру, или камень омэйро – натальный амулет караванщиков, пустынное стекло, гладкий округлый прозрачный камень с естественным сквозным отверстием, через которое пропускали шнурок и носили оберег на шее. Частный пример апотропической магии Мэйтару.

огрубевшая плоть не выдержит. Теперь сердце стучало в ладони. Словно камень ожил.

Ему было восемь оборотов, две кварталы, когда Отец вытащил его из Ямы и забрал с собой.

— У каждого тарука два сердца: одно для Мэй, второе для себя, — говорил Отец, завязывая шнурок на тонкой шее испуганного ребёнка. — Этот камень сохранит тебя, пустыня примет за своего.

Два сердца — одно для пустыни, второе для себя. Алчная Мэй не любит делить любовь с кем-то, она забирает тебя целиком, не отпуская из своих объятий, и тогда только в песках можно найти радость.

Застывшее сердце для песков, а бьющееся в груди — для живых. Не перепутай.

Бист вздрогнул: голоса из прошлого звучали слишком громко.

Столько лун сменилось с тех пор, столько раз светила умирали и воскресали вновь. Сколько легенд он услышал за это время, сколько записал... Аббарр и Мэй вытравили из него того испуганного ребёнка. Он стал бистом, стал своим, отдал оба своих сердца, а в ответ получил лишь горстку пепла...

Он верно служил Мэй: уважал песок, что топтали его гвары, отдавал дань золотоглазой богине, не прося многого. Лишь позволения и впредь быть её моолонгом — тхарука, караванщиком, вечным скитальцем по волнам барханов...

Очередной толчок. Тысячелетний камень стен вздрогнул, застонал. С потолка посыпалась крошка. Спазмы Башни Силы доходили до самых

нижних камер. Или, наоборот, подземные тюрьмы были ближе к вторгшемуся врагу? Бист сжал кулак, и сердце омэйру впилось в ладонь.

Он был не один в этом каменном мешке, лишённом света. Но ему не было дела до других. Он был подобен утёсу, что не обращает внимания на волны и ветер, что рвут его плоть и утягивают в глубины. Камень за камнем. Крупица за крупичей. Его дух блуждал по лабиринту воспоминаний. Если бы он огляделся, всмотрелся в силуэты и тени, то увидел бы страх на лицах убийц, то, как они жмутся к стенам, лишь бы оказаться подальше от него. Но для биста все они сливались, сливались в единую кучу вылинявших лохмотьев.

Пытались ли они заговорить с ним? Уже нет. Никто не решался даже взглянуть ему в глаза... После того первого, что лежал поодаль, раскинув руки. Широкие рукава некогда белой туники. Словно крылья птицы тук, преодолевшей воды Овару и пики Энхар. Птицы, вернувшейся умирать в песок, чтобы своим каменным сердцем когда-нибудь спасти одного из тхару.

Эта мысль на мгновение выдернула биста из чертогов памяти, вызвала мимолётное удивление, заглушило на один вздох шёпот песка.

«Этот камень защитит твоё сердце на воде и на суше».

Бист дёрнул головой, изгоняя слова Отца прочь. Золото пустыни развеялось, всё вокруг заполнил сизый дым, пронизанный тонкими струнами восходящего Орта. Жар пепелища через подошвы. Привкус гари и скрежет песка на зубах.

Так вот какое на вкус горе.

В прошлый раз смерть пришла с солью и ветром. Он до сих пор чувствовал её дыхание, оказываясь на Лантру. А сейчас... Сейчас и Мэй предала его.

«Ни на воде, ни на суше».

Он ненавидел весь мир. Ненавидел себя. Дым становился гуще, укрывая прошлое и будущее вязкой пеленой. Оставляя лишь этот жалкий, утекающий сквозь пальцы момент в настоящем.

Нет больше времени. Есть лишь сейчас.

Шёлковый шнурок прорезает кожу. Лёгкий запах металла. Стук крови в висках.

Кто-то по ту сторону решётки. Слова перетекают, как песок в часах — бесшумно, соразмерно, неотвратно. Скрип железа. Шаги. Шарканье ног по грязному камню.

И вновь время сжалась до обычного тока. Другие исчезли, даже тот с руками-крыльями. Остался лишь Гость, чья речь как песок.

— Ты нарушил приказ Орму. — Первые песчинки голоса незнакомца. — Вышел на улицы Аббарра в запретное время. Напал на стражу Цветка. Лишил жизни одного и покалечил троих.

Бист не ответил. Ветер и волны не тревожат утёс. Жизнь лишь шум. Он ждал тишины, жаждал покоя. Пустые слова осыпались, как угасшая орхмантиру. Чужие речи проносились мимо его ушей, как крики чаек и стон прибоа.

— Ты искал смерти. Своим безрассудством просил о ней. Но тебе было отказано.

Раздался щелчок. Это лопнуло в кулаке сердце омэйру. Бист разжал руку, отпуская алые искрящиеся крупинки, и слушал, как падает каждая из них. Потом всё стихло. Осталась лишь обжигающая

холодом и гневом пустота. Тогда бист поднял жёлтые, как пламя, глаза и посмотрел на Гостя.

У незнакомца было два лица, и бист видел лишь маску, которая, подобно камню омэйро, защищала истинное. Он знал, кто перед ним и от чьего имени он говорит. Тот, кому служил Отец, пришёл к сыну.

— Ты тарука, — песок слов переплавился и застыл острым стеклом. — Тарука Дхару Карш.

— Дхару мёртв, — ответил хриплый голос лишённого сердца.

— Лишь тело, не дух. Твой Отец верил в тебя. Он верил, что дартау лишь предвестник рассвета.

Верил... какое далёкое слово. Из другой жизни, в которой оно имело смысл.

— Я приду позже, когда дым развеется. Когда ты будешь готов.

Гость скрылся, уступая место тишине.

Бист медленно размотал пропитавшийся кровью шнурок и спрятал в карман. Он ещё пригодится, но не для того, чтобы носить талисманы, а чтобы стянуть шею тому, кто лишил его сердца.

Кривая улыбка выгнулась змеёй, но глаза были пусты. Тарука вернётся туда, где все стены превратились в безмолвный песок. Он узнал это, когда первые слова слетели с губ незнакомца. А готов был ещё раньше, когда песок и пепел принесли на своих крыльях смерть.

Глаза вспыхнули жёлтым огнём. Моолонг должен продолжать путь. И когда он сделает ещё один виток, когда его панцирь станет крепче на ещё один оборот Орта, дым развеется, а кровь виновных заглушит привкус пепла утраты.

ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ МООЛОНГА:

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ И СИНИЙ МЁД

Серебряный диск неспешно плыл по чёрному омуту неба, окутывая пустыню таинственным мерцанием. Холодный свет скользил по короткой плотной шерсти гваров, по тюкам, притороченным к их спинам, молчаливым всадникам, покачивающимся в такт шагов...

Впереди, в тени Энхар, острыми иглами башен виднелся Аббарр — величественный цветок пустыни, прекраснейший из городов Тхару — земли по эту и ту сторону океана.

У Золотых Врат караван остановился, дожидаясь досмотра. Два всадника отделились от конца живой цепи и поравнялись с караванщиком. Тёмные одежды, хмурые лица, глубокие капюшоны. Серые стражи, тихие тени, служащие лишь звону монет, — наёмники. Всякий связавший свою жизнь с золотым песком и белым камнем знал, что лучше купить безопасность, чем лишиться жизни и каравана из-за нескольких монет.

— Прибыли до рассвета, как уговор и был, — заговорил один. — За стену мы не идём.

Звериная уверенность, цепкий взгляд, старые шрамы, гвар особой быстроногой породы, из вещей лишь перемётная сумка и оружие отличной работы. Караванщик отстегнул кошель и передал наёмнику:

— Хранит вас Мэй и благодарю за дозор.

Тот подкинул пузатый мешочек, спрятал в сумку, криво усмехнулся и приложил правую раскрытую ладонь к левому плечу:

— Обращайся, тарука. Мы проследим, чтоб крайний твой гвар прошёл врата.

— Непременно, — кивнул тхару и, оставшись один, наклонился к своему гвару: — Почти дома, Пеструха. Пройдём врата, скинем тюки — и отдохнёшь.

«Крайним гваром»... Суеверность — ещё одна черта тех, кто пляшет над пропастью. Талисманы на удачу, обереги от орхов, ритуалы во славу богам — всё, лишь бы перехитрить судьбу.

Караванщик развернулся и бросил взгляд в хвост каравана. Тёмные силуэты держались на некотором отдалении, но были верны слову. Напасть под стенами Аббарра на них никто не отважится, но когда вся цепь под присмотром, всё же спокойнее. Серые мечи — гильдия, что веками брала на себя заботу о целостности караванов. «Ваша жизнь стоит нашей заботы». Цена зависела от груза и дороги, но даже самый скромный торговец мог нанять себе сопровождение по средствам.

Проверка не заняла много времени. Уплатив сбор и подтвердив право торговли, караванщик переступил границу города и втянул полной грудью воздух Чёрного Цветка.

Пеструха фыркнула, засучила короткими ушами,

принялась пританцовывать в предвкушении отдыха, свежей воды и прохлады каменных загонов.

— Ну-ну, полегче, девочка, — караванщик придержал свою любимицу, поглаживая по толстой шее. — Тише шаг — целее груз.

Холодный свет фонарей причудливо смешивался с лунной вуалью, погружая улицы города в дымку. Караванщик наслаждался, как стучат копыта гваров по каменной дороге, как гулким эхом отражаются всхрапы от глухих, лишённых окон, стен зданий Золотого тракта. То и дело по сторонам разверзнутыми пастями проплывали арки, ведущие к разгрузочным площадкам, закреплённым за караванщиками: порядок, гарантирующий, что после долгой дороги по барханам ни животным, ни погонщикам не придётся изнывать в долгом ожидании.

Пеструха повернула. Караванщик улыбнулся и одобрительно погладил животное. Сколько раз он совершал этот путь? Уже скоро сам станет гваром, которого ведёт песок и ветер.

Не успел замыкающий гвар въехать на разгрузочную площадку, как караван окружили бойкие мальчишки. Они галдели как птенцы в гнезде в предвкушении раздела добычи.

— Ха, — ударил себя по бокам караванщик. — Разве детям не положено спать в своих кроватках?

— Спят только богатые и сытые, — рассмеялся худой и длинный как жердь парнишка.

— Твоя правда, Ворни. Давай ко мне, вяленные чавуки уже заждались, когда ты их от моих гваров избавишь. И прихвати себе в помощь ещё парочку смельчаков. Нынче богатый урожай даров Азура!

— Благодарю, Вэл Карш, — радостно воскликнул парнишка и, ткнув пальцем в двух других, заспешил к тюкам.

Карш спрыгнул с гвара, потянулся до хруста в костях и поднёс руку к амулету на шее, спрятанном под рубахой. Его оба сердца были на месте, очередной виток каравана прошёл без потерь. Лишь ощутив под ногами плиты белого города, он понял, насколько истосковался по «тверди».

Пеструха нетерпеливо ткнулась носом в плечо хозяина и фыркнула.

— Согласен, приятно вновь оказаться на «земле»!

Караванщик окинул взглядом своих четвероногих помощников — две кварталы отличных гваров: пять крапчатых «каменных», великанша Чернушка и умница Пеструха, в которой крови намешано как в бисте.

— Всё не можешь насмотреться на своих животных? — донеслось со спины.

Карш повернулся и широко улыбнулся старому знакомому, молодому однороговому бисту.

— Приветствую Мараг, а ты всё так же присматриваешь за плитами?

— Без этих плит не было б караванов!

— Утверждение спорное, но выяснять, что было раньше — тук или его яйцо, — мы не станем.

Карш открыл сумку и достал пачку бумаги:

— Принимай товар, Мараг. — Пеструха нетерпеливо ткнулась носом в шею Каршу. — А заодно и моих девочек. Кажется, даже они устали от песка.

Ворни уже всюду суетился возле каравана. Гвары опустились на землю, и обитые пробковым деревом ящики мягко коснулись белых плит.